

С.Н. Попов

ОНТОЛОГИЯ ЭМОТИВНОСТИ

Совершенно мудрый забывает
о чувствах, самые низкие не
достигают чувств. Самые
острые чувства у таких, как я.

Ван Жунь

Признанно, что всякое философское осмысление какого-либо явления начинается с построения его онтологии. Сама философия начинается с обнаружения некоего существующего. Сразу же встает задача за этим нечто помыслить то, что есть его бытие, обосновывающее его место в сфере необходимости или должностования. Лишь затем задаются вопросы: «Что я могу знать?» и «Что я должен делать?» Но, оказывается, есть такая реальность, которая всегда с нами, субъективная реальность, о бытии которой философия почти что ничего не сказала, и это – эмоции.

На современном этапе разработанности философия эмотивности все еще нуждается в верной постановке самой проблемы бытия эмоций. Создание региональной онтологии эмотивности есть необходимое звено в ее понимании. Гносеологический редукционизм (В. Дильтей, Н. Гартман, М. Шелер и др.), при котором эмоции рассматриваются как особый вид познавательных процессов, вроде эмоциональной интуиции, в этом смысле неприемлем, что будет обосновано ниже. Именно открытие бытия эмоций как их внутреннего обоснования позволит преодолеть как уровень материального субстрата и псевдопричин, так и уровень описательной феноменологии и недифференцированности эмоций с инородными процессами. Конечно, последней целью онтологии является опознание цельного бытия как «объемлющего». В определенных пределах полезна онтология объектов. Для познания же эмоций необходимо опереться на онтологию субъекта, абстрагировавшись от собственно объективных элементов.

Следуя завету известного российского правоведа и психолога Л.И. Петражицкого, приступать к исследованию видовых признаков можно тогда, когда уже имеешь представление о родовых (см.: [1, с. 6–9]), здесь мы обращаемся к выяснению общей онтологии эмоций, вне зависимости от их разновидностей.

Ученые, классифицировав человека в качестве «*homo sapiens*», надолго закрыли путь для правильного понимания природы и функций эмоциональной сферы. Практически до XX в. господствовала ее интеллектуалистическая трактовка. Как известно, для Д. Юма эмоции были рефлексивной разновидностью восприятий, а И.Ф. Гербарт считал эмоцию психическим расстройством, вызванным конфликтом представлений. Даже такой знаток мира эмоций, как Б. Спиноза, определял аффекты как связанные с состоянием тела «смутные идеи» [2, с. 490]. Подобные идеи развиваются и в современной когнитивной теории эмоций, представителем которой является, например, российский психолог В.И. Шаховский (см.: [3]). Да и постмодернистская литература с ее критикой просветительского культа разума не принесла трезвого понимания эмоций, а лишь увеличила страх перед ними и пессимистические ожидания [4, с. 69].

Философ А. Гелен указывал на необходимость в выработке учения о человеке использовать достижения частных наук, считая, что «философская наука о человеке включает в себя попытку делать высказывания о человеке как целом, пользуясь материалом этих отдельных наук и выходя за их пределы, и притом опять-таки высказывания эмпирически-научные...» [5, с. 157]. Особая сложность изучения эмоций человека заключается в том, что в их функционировании принимают участие разные уровни и системы организма, и эмотивность тотально смыкается с иными физико-химическими и психическими процессами. К тому же, как отмечается, субъективная эмоция описывается или в терминах органов, где она происходит – физиологических понятиях, или в терминах внешних объектов – поведения, содержания мыслей и отношения к тому что, эмоцию вызывает. Объясняется это тем, что эмоция одновременно и наиболее телесный и самый субъективно-интимный психический процесс [6, с. 21, 377; 7, с. 151], и для нее «характерна хрупкость, прямо-таки не выносящая прикосновения» [8, с. 114]. Американский ученый К.С. Шеррингтон писал: «Одна из точек, где соприкасаются физиология и психология, лежит в области проблемы

“эмоции”...» (цит. по: [9, с. 640]). Именно поэтому настаиваем на том, что теория эмоций не терпит физиологизации, но также и построение чисто психологических и философских концепций может рассматриваться лишь как промежуточная задача. Если, например, философия законов мышления только выигрывает при освобождении от физиологии и даже психологии, то теория эмоций высшего порядка просто требует учета физиологического, нейрофизиологического, психологического подходов. Здесь мы и не претендуем на разработку такой теории, ограничимся основными положениями к проблеме бытия эмотивности.

Если мнение российского психолога Н.Н. Ланге, называвшего проблему эмоций золушкой психологии, ныне уже не актуально в виду усиления внимания к эмотивности во второй половине XX в., то остаются действительными слова швейцарского ученого Э. Клапареда. Он писал: «Психология аффективных процессов – наиболее запутанная часть психологии. Именно здесь между отдельными психологами существуют наибольшие расхождения. Они не находят согласия ни в фактах, ни в словах» [10, с. 97]. Таково положение психологии эмоций, что же касается философии то собственно философского об эмоциях сказано почти что ноль. Для философского познания такого специфического явления необходимо создание концептуального дискурса, который позволил бы выйти за пределы разума, сохранив рассудочные познавательные процедуры. Укажем сначала вводные идеи к типологии учений об эмоциях. В психологии и близких к ней естественно-научных дисциплинах проблема эмоций имеет следующие варианты разрешения.

Одни теории вообще отрицают за эмоциями психическую самостоятельность. Это, как правило, исследования, видящие в эмоциях лишь эпифеномены физиологических и нейрофизиологических процессов (по причине уже упомянутой нами особо объективной телесности эмоций) (У. Джеймс, Г. Ланге, Д.Б. Линдслей, С. Шехтер, Дж. У. Папец, П.Д. Мак-Лин, Э. Гельгорн). Так, по Джеймсу имеются органические произвольные движения (в деятельности сердечно-сосудистой системы, системы секреции и др.) как рефлексы на воздействие объектов, а «эмоции суть наши чувствования этих самых телесных перемен» [11, с. 297]. Во всех теориях названных авторов есть доля истины в деле выяснения физиологии и нейроанатомии эмоций, но неприемлемый недостаток заключается в абсолютизации все того

же физиологического уровня – субстрата бытия или попросту устранении самой проблемы эмоций. Последнее и имело место во взглядах М.Ф. Мейера, считавшего, что эмоции постепенно исчезнут из сферы психологии [12, с. 80].

В другую «ситуационную» группу мы выделяем и объединяем теории эмоций, определяющие их как самостоятельное психическое явление, но считающие эмоции «ненормальными» процессами и состояниями, возникающими в более или менее критической ситуации.

Одни ученые настаивают на специфике эмоциональных процессов, выполняющих дезорганизующую функцию (Р. Лазарус, Дж. Б. Уотсон, П.Т. Янг), что является отголоском интеллектуалистических представлений. Например, П.Т. Янг определял эмоции как «острое, нарушающее (disturbed) аффективное состояние индивида...» (цит. по: [13, с. 234]). Согласно бихевиористу Дж. Б. Уотсону, эмоция – это «наследственная «шаблонная» реакция, включающая глубокие изменения механизма тела как целого и, в частности, висцеральной и железистой системы», которая «повергает организм, хотя бы на момент, в хаотическое состояние» [14, с. 460–461].

Другие исследователи «ситуационной» группы считают эмоции результатом недостаточности обычных средств для адекватной адаптации к ситуации, при этом адаптивный характер несут не все виды эмоций (Э. Клапаред, П. Фресс). «Эмоции возникают именно тогда, – писал Э. Клапаред, – когда какая-то причина препятствует приспособлению» [10, с. 99]. Тогда возникают примитивные чисто физиологические формы реагирования, причем «эмоция есть не что иное, как сознание формы, или «гештальта», многочисленных органических впечатлений» [10, с. 99–100].

Наконец, крупная группа психологических теорий связывает эмоции не с эпизодическими специфическими ситуациями, а с перманентными процессами функционирования психофизической природы животных и человека. Это широкое движение отечественных и зарубежных ученых, для которых эмоции есть выражение потребностно-мотивационной сферы (Анохин П., Бреслав Г.М., Васильев И.А., Вилюнас В.К., Додонов Б.И., Леонтьев А.Н., Петражицкий Л.И., Симонов П.В., Шингаров Г.Х., Арнольд М.Б., Гассон Дж.А., Изард К.Э., Липер Р.У., Рейковский Я., Томкинс С. и др.). Пожалуй наиболее проработан данный подход в психологической теории эмоций В.К. Вилюнаса. Его идеи заключаются в том, что эмоциональные переживания отличны от познава-

тельных процессов своей субъективной, пристрастной формой отражения, которая нарушает равновесие равнозначных ориентиров, так как некоторые приобретают особый смысл [15, с. 55, 84–85]. «Эмоциональные переживания, – пишет В.К. Вилюнас, – представляя собой субъективную форму существования потребности, выступают, с другой стороны, как способ существования отражаемого объективного содержания в индивидуальной психике» [15, с. 134]. Сходные идеи выдвигали П. Анохин, А.Н. Леонтьев и Я. Рейковский (см.: [13, с. 53; 16; 17; 18, с. 478]). Автор мотивационной теории эмоций Р.У. Липер считает эмоции основными мотивами человеческой деятельности, вызываемые сигналами, напоминающими перцептивные раздражители [7, с. 153–155]. Данные исследователи открыли необходимость эмоциональной сферы именно для обычного функционирования организма и попытались найти чисто психологические закономерности эмотивности. Здесь отсутствует ее субстратное обоснование. Но недостаток заключается в том, что потребности понимаются как непосредственные причины эмоций, в силу чего последние получают недостаточную субстанциональность. Собственно психическое подменяется уже не физиологическим, а биологическим.

Теперь посмотрим, как эмоции изучаются заслуживающей внимания философией и филосоподобной психологией. А заслуживает внимания немного. Ведь даже идеи философии романтизма и так называемой философии жизни, признающих важную роль эмоций, оказались для искомой философии эмотивности малопродуктивными. Теоретик романтизма Ф. Шлегель писал: «Чувство – это все, весь центр внутренней жизни, точка, из которой исходит философия и к которой она постоянно вновь стремится» [19, с. 377]. Но дело как раз в том, что подлинный романтизм там, где заканчивается всякая философия.

Отдельное сочинение проблеме эмоций посвятил Ж.-П. Сартр. Для него эмоция является «внезапным падением сознания в магическое», аффективной деградацией сознания взамен аффективной реакции в трудной или безвыходной ситуации [20, с. 136, 141–143]. Несмотря на чисто философский подход Сартра, заключающийся в том, что эмоциональная реакция – это не «ненормальное» состояние, а падение сознания и мышления в нормальное состояние далекой магической исторической эпохи, выводы его сходны с «дезорганизирующими» психологическими теориями.

Наибольший же интерес вызывают философско-психологические панэмоциональные теории, в которых аффективностью наделяются все психические процессы, при понимании и ее собственной специфичности (Вундт В., Грот Н.Я., Крюгер Ф., Рубинштейн С.Л.). Согласно В. Вундту, элементами объективного содержания опыта являются ощущения, которые сопровождаются субъективными элементами – чувствами. И именно благодаря чувственному тону все психические элементы соединяются в единое целое [21, с. 49, 55]. С.Л. Рубинштейн говорил о единстве эмоционально-волевого и интеллектуального компонентов как в самой эмоции, так и в психике в целом. «Всякая реальная эмоция, – писал он, – обычно представляет собой единство аффективного и интеллектуального, переживания и познания, поскольку она включает в себя в той или иной мере и волевые моменты, влечения, стремления, поскольку вообще в ней в той или иной мере выражается весь человек. Взятые в конкретной целостности эмоции служат побуждениями, мотивами деятельности» [22, с. 562]. Интереснейшие идеи выдвинул немецкий философ и психолог Ф. Крюгер. Согласно его учению, эмоции, в отличие от рассудочного отношения, носят универсальный характер, т.е. «только эти явления всегда наличествуют в сознании, что любое значимое изменение воспринимается прежде всего «эмоциоподобным» образом...» [8, с. 121]. И самое главное: «Эмоция представляет собой материнскую первооснову прочих видов психических явлений и наиболее благоприятную почву для них» [8, с. 119]. Именно последнее положение и может послужить правильному пониманию эмоций.

Несмотря на то, что ряд авторов считает эмоции чисто сознательными феноменами, «сознанием мира» [20, с. 135; 23, с. 71, 83 и др.], мы присоединяемся к исследователям, утверждающим возможность частичной, неопределенной, неправильной регистрации сознанием эмоций, или вообще неосознанного их протекания [1, с. 280; 7, с. 153; 13, с. 55; 22, с. 572; 24, с. 126]. Концепции сознания в принципе не могут быть использованы для построения как общей теории эмотивности, так и теории отдельных видов эмоций. Хотя современный американский психолог А. Дейкман и различает универсальное сознание и персонафицированное содержание сознания (см.: [23, с. 78-79]), что соответствует традиции трансцендентализма, тем не менее мы обычно имеем дело лишь с содержанием сознания, которое есть результат познавательных процессов. Эмоции же

принципиально отличны от последних, являясь чисто субъективными феноменами, о чем еще будет сказано ниже. Поэтому совершенно неприемлемы определения, вкладывающие в содержание понятия эмоций характеристику отражения внешней действительности [25, с. 73; 26, с. 64], отражения и оценки внешнего и внутреннего миров [6, с. 376–377; 17, с. 553; 27, с. 29] или даже отражения и оценки состояния самого организма [15, с. 31, 48; 28, с. 20]. Несомненно, эмоция, так сказать, окрашивает ту или иную информацию, но сама разновидностью когнитивных процессов не является. В виду сказанного не сознание, а психика должна прежде всего стать объектом исследования.

Эмоции, конечно, имеют нейрофизиологический и физиологический субстраты. Для современных нейроанатомов поиск места локализации эмоций уже не является *idee fixe*, но практически бесспорна их связь с гипоталамусом, а также гиппокампом, миндалиной и передними отделами новой коры и в целом ретикулярной системой ствола мозга, регулирующей изменения уровня нейронной активности [12, с. 77; 16, с. 354; 23, с. 58; 9, с. 648; 28, с. 105]. Обнаружено, что правое полушарие головного мозга, преимущественно связано с «отрицательными» эмоциями, а левое – «положительными» эмоциями и эмоционально-нейтральными сигналами, во всяком случае у правшей [28, с. 109–110; 29, с. 164; 30, с. 115]. Известно, что соматическая и вегетативная нервная система влияет на такие физиологические показатели, поддерживающие как эмоцию, так и вызываемое ею действие, как гормональная секреция, кожно-гальваническая реакция, сужение сосудов и понижение температуры тела или, наоборот, сердечный ритм, величина зрачков, частота дыхания, тонус мышц желудочно-кишечного тракта, при этом физиологические сдвиги не находятся в пропорциональной зависимости от произвольной двигательной активности.

У каждой эмоции имеется также свой, если можно так сказать, нервно-мышечный экспрессивный субстрат, выражающийся в мимике, пантомимике и «вокальной мимике» (подробнее см.: [22, с. 566–571; 31; 32]). Данные субстраты исследуют естественные науки, хотя, как известно, немецким философом Х. Плеснером экспрессивность понималась как непосредственное выражение самого существа человека, как «объективация духа» [33, с. 143]. Но для проблемы бытия эмотивности важно другое.

Сущностью эмотивности является такая загадка мира жизни, как переживание, многие

проблемы которого, по словам В.К. Вилюнаса, не разработаны даже на уровне гипотез [34, с. 220]. Если для П. Фресса и К.Э. Изарда аффективное переживание даже не часть эмоции, а сопровождающее ее осознание [23, с. 56–57; 35, с. 173], то для большинства исследователей переживание представляет собой один из двух компонентов эмоционального процесса. В узком смысле слова переживание понимается разными авторами или как «непосредственное отражение самим субъектом своих собственных состояний, а не свойств и отношений внешних объектов» [6, с. 381], или как субъективный компонент эмоции, отличный от отражаемого содержания [15, с. 43; 22, с. 572–573; 36, с. 17–18]. Нам же интересно это понятие в том широком значении слова, которое ему придавал С.Л. Рубинштейн. «Переживание это первично, – писал он, – прежде всего – психический факт как кусок собственной жизни индивида в плоти и крови его, специфическое проявление его индивидуальной жизни..., которое образует более или менее смутно освещенный, изменчивый, неопределенный в своих контурах фон, из которого сознание выступает, никогда, однако, не отрываясь от него» [22, с. 11, 14]. В.К. Вилюнас называет субъективное переживание «универсальной онтологической основой психического образа» [34, с. 220]. Категория переживания должна стать основной в философии эмоций. Мы считаем, что переживание, а не сами эмоции, как считал Ф. Крюгер, является онтологической основой и не только образов, но и всей психики. Именно на этой базе осуществляются все когнитивные процессы, обращенные к объекту. И именно эмоции как процессы, обращенные к субъекту, представляют собой неосознанные или осознанные феномены глубинного переживания. Само переживание не дано субъекту даже как неопределенный фон психики, представляя лишь в виде тех или иных эмоций. Даже тогда, когда, с точки зрения обыденного мышления, человек не испытывает известные эмоции, находясь в спокойно-апатическом состоянии, эмоции в своих менее интенсивных формах постоянно продуцируют психический опыт. Возможно, лишь при особых патологиях переживание непосредственно врывается в содержание «Я».

Отсюда понятна универсальная роль эмоций, подтвержденная многими экспериментальными исследованиями. Установлено, что под влиянием эмоционального возбуждения изменяются пороги восприятия внешних стимулов.

Так, человек, который ревновал жену к соседу-машинисту при слове «машинист» эмоционально возбуждался, при этом повышался порог звукового сигнала [37, с. 41]. Эмоции организуют сами ощущения, делая сочетания звуков – мелодией, а цветов – гармонией [15, с. 59]. Эмоции влияют на внимание, так как эмоционально окрашенный предмет становится центром сознания [15, с. 56–57]. Эмоции оказывают непосредственное влияние на память в виде аффективных следов и формирование условных связей, носящих быстрый и произвольный характер. Например, одной женщине за обедом сообщили о смерти дочери, ее вырвало и стало рвать всегда при подаче соответствующих блюд [15, с. 58–59; 35, с. 142; 38, с. 132]. Эмоции являются необходимым условием продуктивной интеллектуальной деятельности, особенно фантазий, только при этом познавательные процессы приобретают смысловой характер [13, с. 205; 26, с. 67; 39, с. 19]. Наконец, установлено, что эмоции являются необходимым звеном в процессе целобразования [13, с. 53; 40, с. 100].

Благодаря видению эмотивности как феномена переживания становится понятной и признанная функция эмоций как «комплекс-качеств» в придании целостности психическому опыту, в созидании нашего «Я» [8, с. 118; 16, с. 340; 23, с. 94]. Само эмоциональное насыщение организма эмоциями, как «положительными», так и «отрицательными», является его потребностью [27, с. 76, 80]. Таким образом, эмоции приобретают особую самостоятельность, превращаясь в метапотребность субъекта.

Но как объяснить факт, ставший основой ряда упомянутых теорий, особенно тесной связи эмоций именно с потребностно-мотивационной сферой (П. Фресс обращает внимание даже на этимологическое происхождение понятий «мотивация» и «эмоция» от одного слова «*moovere*» [35, с. 120]), так сказать, переживанием потребностей, а не иных психических сигналов? Ответ следующий. Переживание в своих проявлениях эмоциональных комплекс-качеств хотя и является основой для существования познавательных психических образований, но не отождествляется с ними в виду их направленности на воспроизведение объективных параметров и собственной эмотивной абсолютной субъективности. Потребности же носят субъективно-организматический, по преимуществу биологический характер. И именно их удовлетворение является функцией психики и переживания с эмоциями как ее онтологической основы.

До сих пор мы говорили об общей части теории эмотивности, не касаясь вопроса о видах эмоций. Почти общепринято деление эмоций, в широком смысле слова, на органическую аффективную чувствительность, эмоции, чувства, страсти, аффекты, настроения и стресс с различными вариациями, существуют и иные аспектные классификации. Нет желания критически разбирать этот перечень, тем более еще в начале XX в. Л.И. Петражицкий сделал это, показав всю научно-логическую несостоятельность этой классификации, как по причине подмены качественных характеристик количественными, так и смешения эмоциональных явлений с познавательными (см.: [1, с. 150–165]). Названные виды, согласно Л.И. Петражицкому, подобны видам из следующей уродливой классификации: «1) вода просто; 2) внезапный и сильный напор воды; 3) слабое и спокойное течение воды; 4) сильное и постоянное течение воды по одному глубокому руслу...» [1, с. 161]. На наш взгляд, все эмоциональные явления составляют качественно единый родовой класс эмоций, в котором, пожалуй, можно лишь выделить эволюционно предэмоциональные явления (в данном очерке мы абстрагировались от фило- и онтогенетических проблем) и относимые С.Л. Рубинштейном, а до него Б. Спинозой к аффективной сфере стремления, влечения и желания [2, с. 434–435; 41, с. 269]. Что касается часто упоминаемых высших человеческих интеллектуальных, эстетических, этических, патриотических и иных чувств, то они не имеют качественной специфики. Здесь можно напрямую присоединиться к ассоцианизму В. Вундта, утверждавшему, что высшие чувства – это результат соединения простых чувств [21, с. 56]. Таким образом, «высшие чувства» – это или эмоциональные паттерны, или эмоционально-когнитивные структуры.

Мы, вслед за одним из основателей теории дифференциальных эмоций К.Э. Изардом, считаем, что предметом изучения прежде всего должны быть отдельные, базовые эмоции (интереса, радости, удивления, печали, гнева, отвращения, презрения, страха, стыда, застенчивости и вины) [23, с. 56, 64]. По поводу перечня эмоций возможны разночтения. Так, распространена идея, что базовыми являются лишь удовольствие (радость), гнев и страх [42, с. 97–98].

По-нашему, особое положение занимают эмоции, имеющие свойства как драйвов, так и собственно эмоций, отнесение или не отнесение самих драйвов к эмоциям – особая проблема. Выдвигаем гипотезу, по которой именно эти эмоции, или эмоциоподобные явления,

способны не просто к образованию паттернов как базовые эмоции, а к сильнейшей социальной трансформации на уровне человеческой психики. Так, половое влечение преобразовалось в эмоцию любви, хотя есть и иные ее трактовки. И именно от того, является та или иная собственно человеческая эмоция социально преобразованной биологической эмоцией, или она не более чем эмоциональный паттерн, зависит значимость этого феномена для самостоятельного исследования.

Здесь хотелось бы привести, казалось бы, парадоксальные слова Я. Рейковского, отмечавшего, что «именно мышление может протекать свободно, неопределенным и непредсказуемым образом, тогда как эмоции подчиняются весьма жестко определенным причинам...» [13, с. 353]. Пусть описательная характеристика эмоций на радость людям сохранится только в художественной литерату-

ре и произведениях искусства, теоретический же подход, несмотря на всю специфику предмета исследования, должен оперировать понятиями и стремиться к нахождению свойств и закономерностей.

Итак, для своего разрешения проблема эмотивности требует онтологического подхода, где основной в категориальном ряду становится категория переживания, которое выступает основой психики. Эмоции же как внепознавательные чисто субъективные психические процессы – это феномены данного переживания, преимущественно выражающие организматические потребности и сами превращающиеся в метапотребность. Подлинно социальное же бытие эмоции приобретают не на уровне «высших чувств», являющихся эмоциональными паттернами, а на уровне аффективной трансформации отдельных базовых эмоций.

Литература

1. Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. 2-е изд. СПб., 1907.
2. Спиноза Б. Этика, доказанная в геометрическом порядке // Избранные произведения. Ростов-на-Дону, 1998.
3. Шаховский В.И. О роли эмоций в речи // Вопросы психологии. 1991. №6.
4. Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г. Культура, эмоции и психическое здоровье // Вопросы психологии. 1999. №2.
5. Гелен А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии: Переводы. М., 1988.
6. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М., 1998.
7. Липер Р.У. Мотивационная теория эмоций // Психология эмоций. Тексты. 2-е изд. М., 1993.
8. Крюгер Ф. Сущность эмоционального переживания // Психология эмоций. Тексты. 2-е изд. М., 1993.
9. Линдслей Д.Б. Эмоции // Экспериментальная психология. М., 1960.
10. Клапаред Э. Чувства и эмоции // Психология эмоций. Тексты. 2-е изд. М., 1993.
11. Джемс В. Научные основы психологии. СПб., 1902.
12. Гельгорн Э., Луфборроу Дж. Эмоции и эмоциональные расстройства. Нейрофизиологическое исследование. М., 1966.
13. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М., 1979.
14. Уотсон Дж.Б. Психология как наука о поведении // Бихевиоризм. Э. Торндайк. Джон Б. Уотсон. М., 1998.
15. Вилюнас В.К. Психология эмоциональных явлений. М., 1976.
16. Анохин П. Эмоции // Большая медицинская энциклопедия. 2-е изд. М., 1964. Т. 35.
17. Леонтьев А. Эмоции // Философская энциклопедия. М., 1970. Т. 5.
18. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М., 2000.
19. Шлегель Ф. Философия языка и слова // Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика: В 2-х т. М., 1983. Т. 2.
20. Сартр Ж.-П. Очерк теории эмоций // Психология эмоций. Тексты. 2-е изд. М., 1993.
21. Вундт В. Психология душевных волнений // Психология эмоций. Тексты. 2-е изд. М., 1993.
22. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 1999.
23. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб., 1999.
24. Пиже Ж. Аффективное бессознательное и когнитивное бессознательное // Вопросы психологии. 1996. №6.
25. Шингаров Г.Х. Эмоции и чувства как формы отражения действительности. М., 1971.
26. Запорожец А.В., Неверович Я.З. К вопросу о генезисе, функции и структуре эмоциональных процессов у ребенка // Вопросы психологии. 1974. №6.
27. Додонов Б.И. Эмоция как ценность. М., 1978.

28. Симонов П.В. Эмоциональный мозг. М., 1981.
29. Хомская Е.Д., Батова Н.Я. Мозг и эмоции (нейропсихологическое исследование). М., 1992.
30. Шапкин С.А. Межполушарная асимметрия в переработке эмоционально окрашенной информации // Вопросы психологии. 2000. №3.
31. Дарвин Ч. Выражение эмоций у человека и животных // Сочинения. М., 1953. Т. 5.
32. Ганина Н.А., Корнева Т.В. Экспериментально-психологическое исследование восприятия речевой и мимической экспрессии // Социально-психологические исследования в психоневрологии. Л., 1980.
33. Плеснер Х. Ступени органического и человек. Введение в философскую антропологию // Проблема человека в западной философии: Переводы. М., 1988.
34. Вилюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека. М., 1990.
35. Фресс П. Эмоции // Экспериментальная психология. М., 1975. Вып. V.
36. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М., 1984.
37. Костандов Э.А. Восприятие и эмоции. М., 1977.
38. Громова Е.А. Эмоциональная память и ее механизмы. М., 1980.
39. Тихомиров О.К., Виноградов Ю.Е. Эмоции в функции эвристик // Психологические исследования. М., 1969. Вып. 1.
40. Бреслав Г.М. Система эмоциональной регуляции деятельности в процессе целеобразования // Психологические механизмы целеобразования. М., 1977.
41. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений. М., 1957.
42. Ольшанникова А.Е. К психологической диагностике эмоциональности // Проблемы общей, возрастной и педагогической психологии. М., 1978.